

НАДЕЖДА КОЛОШУК

Восточноевропейский национальный университет
им. Леси Украинки (Луцк)

ЛАГЕРНЫЕ СТИХИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО

Camp verses as witness

A «camp poetry» term in present Russian internet space is used more frequent in a value «protection song», «chanson on a protection theme». A camp creativity is pushed to the periphery of literary process. Actuality of this research is conditioned which community and cultural sense of GULAG poetry. A research novelty is determined by the choice of material and methods of his analysis, by outgoing from him conclusions about the features of gulag lyric poetry. We use determination a «camp poetry» foremost in direct sense: it was created in camps by the prisoners of camps, which being an inalienable element and reflection of camp reality, experiencing of its existential experience. This lyric poetry is unique as the literary phenomenon, because it testifies to extreme spiritual experience.

Keywords: camp poetry, sacral function, an anthology «Poetry of GULAG prisoners», verbal oral form of communication, revival of the soul, resistance totalitarianism

Лагерная тема в российской поэзии никогда не попадала в актуальное поле зрения литературной критики. Накануне («перестроечные» годы) и в первое время после распада Советского Союза было время, когда интерес общества и, соответственно, учёных-гуманитариев разного профиля привлекала так называемая «возвращённая» литература. Но за четверть столетия постсоветской истории интерес к культуре тоталитарной эпохи поостыл, и «возвращённые» отодвинулись вместе с ним в прошлое.

Термин «лагерная поэзия» в интернет-пространстве на русском языке чаще употребляется в значении «блатная песня», «шансон на блатную тему»¹. Один из его создателей писал:

¹К примеру: *Лагерные поэты – Форум* [Электронный ресурс], <http://russ-hanson.ru/forum/viewtopic.php?f=3&t=45641> (доступ: 30.08.2015).

Блатной жанр, быть может, потому достиг таких вершин, что из всех проблем советской империи избрал для себя одну, главную – ТЮРЬМА. Тема тюрьмы превалировала над остальными реалиями современности. Она не претендовала всерьёз заниматься агитацией и пропагандой против советской власти. Авторы этих песен просто и искренне пели о своей жизни (Чистяков 1989).

Многие критики относят к «самодеятельным» феноменам массовой блатной культуры и поэзию, созданную в советском ГУЛАГЕ. Это видно в рецензии на антологию *Поэзия узников ГУЛАГА* (Кобенков 2006), в единственной диссертации, которую нам удалось найти на тему «лагерная поэзия» (Горева 2011). За четверть века в развалившемся СССР легко прижились стереотипы невысокой ценности лагерной поэзии. Поэтому она до сих пор отнесена на периферию литературного процесса, рассматривается не как целостный феномен, а по отдельным персоналиям. Фактически её изучение не переступило черту начального этапа – собирания и публикаций литературного и библиографического материала: появились стихотворные сборники и воспоминания авторов-узников, подборки стихов и биографические справки в интернете или антологиях.

Антология *Поэзия узников ГУЛАГА* ценна для исследователя тем, что даёт достаточно широкое представление о русских поэтах-лагерниках. И хотя интернетные поиски выдают результаты относительно «блатной» темы, песен бывших уголовников и т. п., мы исходим из тезиса, что гулаговская поэзия – и в этом полностью соглашаемся с составителем антологии Семёном Виленским – «равноудалена и от казённой лагерной печати, и от блатных песен и жаргона воровских зон» (Виленский 2005, 11). Она представляет андеграунд советской эпохи – «потаённую культуру» (Таганов 1998), свидетельствующую о духовном сопротивлении тоталитарному режиму². В анализе её материала мы используем литературоведческие, исторические и культурологические исследования близких и смежных тем – «возвращённая» литература, диссидентское творчество, наследие отдельных авторов-узников советского режима etc.,

² О некоторых образных и идейно-тематических аспектах стихов этой антологии нам уже приходилось писать (Колошук 2013; Колошук 2014).

проведённые русскими литературоведами, историками, правозащитниками Л. Алексеевой, С. Виленским, Е. Волковой, Е. Михайлик, В. Муравьевым, Л. Тагановым, В. Шенталинским и др.

Поскольку и термин «лагерная поэзия», и сам материал воспринимается неоднозначно, правомерен вопрос: существует ли она в том виде, в каком мы пытаемся её вычленивать из общего литературного потока современности и недалёкого прошлого – как лирическое творчество узников советских концентрационных лагерей, в лагере и после, так как момент перехода из «малой» зоны в «большую» для них был размыт – не приносил настоящего освобождения. Никто не понёс наказания за их муки, не был осуждён хотя бы общественным мнением, они же до конца жизни оставались под надзором и подозрением: «Мы всё ещё на дьявольском учёте / В навечно сохраняемых делах»; «Все прощены: и жертвы и убийцы. <...>» (Виталий Гармаш, 1931-2007; *Памяти Артема Фельдмана и Памяти зэка, расстрелянного в 1953 году в Степлаге* из цикла *Воспоминания о ГУЛАГЕ*) [с. 943-944]³. Поэтому ответ на вопрос – стоит ли отделять лагерную лирику «архипелага ГУЛАГ» от поэзии современного ей «материка» в национальных литературах бывшего СССР? – однозначен: не только стоит, но и необходимо.

Лагерная лирика и её восприятие современниками и нынешними читателями отличается от творчества поэтов, не испытывавших лагеря. Факт её существования ставит под сомнение представления о литературе как *fiction*, о лирике как способе самовыражения и изменяет их до неузнаваемости, поскольку поэтическое творчество в экстремальных лагерных условиях свидетельствует скорее о неистребимости высших духовных запросов и возможностей человека, чем об эгоцентрической потребности и возможности самовыражения. Проблемным становится соотношение между текстом и субъектом: читая эти мольбы *de profundis clamavi*, читатели намного меньше знают об их создателях, чем обычно мы знаем о поэтах. Антологии представляют некий коллективный образ музыки –

³ *Поэзия узников ГУЛАГа: Антология*. Составление и вступительная статья С.С. Виленский. Москва 2005. 992 с. В дальнейшем ссылки на материал антологии даны в квадратных скобках без указания источника. Даты создания стихотворений указаны, если они есть в антологии. Даты жизни авторов уточнялись по интернетным источникам, которые удалось найти.

«склонённой под тяжестью зла, / Изнурённой, больной» каторжанки (Валентин Соколов, *Моя муза*, 1956) [с. 785]. Примечательно, что у поэтов нескольких ГУЛАГовских поколений этот образ воплощён всё теми же выразительными средствами – персонификацией музы в образе женщины в лагерном облике. Сравним строки питомца советской эпохи В. Соколова с октавами бывшего царского офицера-казака Георгия Денисова (1893-1937), заимствовавшего в золотом веке русской поэзии речевой стиль, строфику и ритм строгого ямба для создания небывалого образа Музы – лагерницы:

В коротком вытертом бушлате
Рассветной серою порой
Покорно Муза встала в строй
В ряды покорные собратий.

(*Интермедия*, 1933) [с. 146]

Или с послелагерными белыми стихами Виктории Гольдовской (1912-1974; освобождена в 1954 году):

Я сняла ту одежду позора.
На ней же бушлат и поныне.
В нём ко мне на постель,
как на грязные нары,
садится она среди ночи.

А она всё своё – о сражённых пургою проклятой...
Ну кому это нужно теперь?
Да куда её, бедную, дену?
Видно, будет шептать до конца,
сколько нам с ней отпущено веку!

(*Муза*) [с. 852]

Итак, определение «лагерная лирика» имеет прежде всего прямой смысл: созданная в лагерях и лагерниками, то есть являющаяся неотъемлемым элементом и отражением лагерной действительности, переживанием её опыта. Эта лирика особенна и бес-

ценна (как духовно-эстетический литературный феномен), поскольку свидетельствует об экстремальном, в каждом человеческом случае по-своему уникальном (и нежелательном для обычного человека) экзистенциальном переживании. Она создаётся и донныне: яркий пример в современной русской литературе – талантливый поэт Евгений Карасёв из Твери, с 1993 года публикующий сборники стихов и подборки в «толстых» журналах (см.: Карасёв 1999; Красёв 2010; Редькин 2005; и др.). «Среди песнопевцев у меня своя ниша, / как у пичуги в мире лиственном. / Она не выше других, не ниже – / единственная», – считает он (Карасёв 1999).

Главная особенность лагерного творчества в ГУЛАГЕ, обусловленная его (творчества) предназначением, состоит в том, что оно помогало выжить и самим авторам, и читателям (точнее – слушателям, ведь изначально существовало как устный феномен). Многие выжившие авторы и их собратья-читатели из ГУЛАГА свидетельствуют, что именно поэзия была чудом спасения в буквальном смысле слова. То, как она воспринималась в зоне за колючей проволокой и жертвами, и их мучителями, подтверждает мысль о её сакральной функции – когда-то её пытался сформулировать В. Б. Муравьёв, ссылаясь на отзыв А. Т. Твардовского о стихах лагерника Юрия Грунина (так и не напечатанных в «Новом мире» в годы его редакторства – «по причине внешней») и закон мобилизации человеческим организмом скрытых спасительных сил: «Сочинение стихов становится и сопротивлением, и жизненной силой, и спасением» (Муравьёв 1990, 12-13). Сохранилось много свидетельств о необычных способах её создания. Например, Елена Владимировна (1902-1962) в очерке-посвящении *Друзьям* (1956) рассказала:

И я решила написать повесть, охватывающую всё виденное. Но писать, конечно, было нельзя. Я начала “писать” в уме. Понимала, что нужно сохранить сделанное, а на своё долголетие не рассчитывала. <...> Решила найти молодую женщину, которая возьмёт на себя сохранить “написанное”. Для этого нужно было со слов запоминать наизусть. Такой человек нашёлся, и мы приступили к работе. <...> Одно слово, услышанное посторонним, могло погубить обеих. <...> Меня может понять лишь тот, кто знает, чем для человека, уже имевшего “вышку”, грозила такая работа [с. 329].

О «камерности» такого стихотворчества читаем у санкт-петербургского скульптора Василия Астапова (1918-2008):

Мои стихи, увы,
Рождal острог.
Шаги по камере от двери до решётки
Давали ритм
Размеренный и чёткий.
А сонм кипящих, непокорных слов
Я заключил в кольцо железных строф.
(*Камерные стихи*, май 1948) [с. 806]

Стихи распространялись в самом лагере или тюрьме, передавались на волю, восстанавливались по памяти или записям за пределами «зоны», становились поводом к новым репрессиям или хранились долгие годы в тайне особыми способами, поскольку тоталитарный режим, уничтожив свободу слова, возвратил граждан СССР в «до-гутенберговскую» эпоху. Обстоятельства хранения, скупорасказанные в комментариях к лагерным антологиям, в воспоминаниях узников, поражают человеческим упорством в отстаивании духовных ценностей. И буквально все свидетельства уникальных особенностей бытования говорят о том, что у лагерной поэзии было особое предназначение, сродни сакральному Слову – молитве, псалму, оберегу, ритуалу, мифу, заклинанию. Вот что рассказал в авторском предисловии к поэтическому сборнику *Северные строки* (1991) профессор МГУ Виктор Василенко (1905-1991) о потребности и «материально-технической» стороне лагерного творчества:

Когда я оказался там – на Печоре, а затем в Заполярье, я был уже немолод, только дух поддерживал меня, но главное, в чём я находил опору и благодаря чему я выжил, – была поэзия... В лагере у нас не было ни бумаги, ни чернил. Поэтому я сочинял стихи и затверживал, запоминал их. Помню, это очень удивило Анну Андреевну Ахматову, с которой я познакомился уже в 60-е годы: как я мог, больной, дрожавший от холода, жадно думавший о почти недоступной корке хлеба, – как я мог запоминать стихи? Да, так было. Лишь небольшое из сочинённого в первые лагерные годы мне удалось записать. Значительное же количество стихотворений было

восстановлено мною по памяти уже после смерти Сталина, когда многие из лагерных запретов были сняты (из справки составителя) [с. 752].

Подобных свидетельств можно привести десятки – чуть ли не каждый поэт-лагерник придумывал свою собственную систему конспирации лагерного творчества, сохранения его в памяти, передачи возможным слушателям. Детали авторских судеб из ГУЛАГА воспринимаются как удивительно точные метафоры советской действительности. Видимо, самая известная и показательная в русской литературе – горькая и страшная своей обыденностью судьба Валентина Соколова (1927-1982), известного под псевдонимом З/К или Зэк. В комментариях к подборкам его стихов (печатной и электронной) читаем:

впервые В. Соколова арестовали во время службы в советской армии и осудили на 10 лет за найденный на политзанятии листок со стихами. В 1958 году, после «отсидки» в Воркутлаге в 1948-1956 годах, когда пробудившийся в нём талант привлёк внимание не только заключённых, но и «органов», поэту «припаяли» новый десятилетний срок, основывая обвинения на найденных стихах, в которых он «высказывал свою ненависть к Советской власти», «призывал к организации восстания в СССР» etc.

Истинная же вина З/К была в том, что его лагерные, нигде не печатаемые стихи стали слишком известны и популярны.

Во время второго срока В. Соколов попал в Дубровлаг (Мордовия), где ему не давали писать. Но тетрадки лагерных стихов и дальше расходились по лагпунктам, «уходили» на волю. Поэт читал свои стихи, слушатели запоминали их, записывали, передавали друг другу. Освобождённого в мае 1968 г. Соколова вскоре снова арестовали: «Больше ты у нас за “политика” не пройдёшь. Будешь сидеть по уголовной», – сказал ему при аресте участковый милиционер. Поэт так и не вышел из лагерей и тюремных «психушек» – спецбольниц КГБ – до конца своей мученической жизни. Его всячески «лечили» и «перевоспитывали» – то есть изощённо наказывали (например, «за то, что кормил голубей»), глумились, отбирали бумагу, карандаши и книги. Но он писал (вернее, слогал стихи) всегда и везде. В так называемом «Черныховском склепе»

(изолятор Черняховской «психушки») создал цикл, кем-то названный Евангельским (vide: Истогина 1998; Истогина 2000; Бетаки 2009; Бутков 2012). «Мне жизнь дала отравленную чашу / Я пил её, я пил её и пел...», – писал З/К от имени многих своих братьев (*Мне жизнь дала отравленную чашу...*, датировка: «3 л/о. Изолятор. 1955») [с. 784]. Лирику В. Соколова отличает «творческая дерзость», мастерство «образной и интонационной экспрессии... где властвуют красота и скорбь, гнев и умиление, исповедь и сарказм, гротеск и патетика» (из комментария А. Истогиной в антологии) [с. 778].

Судьба лагерного наследия – часто посмертная судьба. Во многих случаях это чудом дошедшие до нас послания из могил. Например, Петр Кузячкин (год рождения 1927; отбывал срок в 1949-1954 годах) рассказал в автобиографии, присланной для антологии:

В апреле 1978 года я закончил повесть. Рукопись сразу же спрятал в оцинкованный бидон и закопал под памятник в могилу родителей... Я читал повесть нескольким товарищам, и кто-то написал на меня донос в КГБ. В 1981 году у меня был грандиозный обыск, но рукописи не нашли. Извлёк я рукопись из могилы только в этом, 1988 году [с. 791].

Удивительный случай произошёл в мае 1950 года с Лидией Корнеевной Чуковской: она получила прощальное письмо от бывшего знакомого Николая Давыденкова (1915-1950), дошедшее неизвестно как, поскольку было выброшено из тюремного вагона. Его автор вложил в письмо листок со стихами, делился своими творческими замыслами (сознался, что пишет главным образом прозу) и взывал о помощи: «Дорогая Лидия Корнеевна! <...> Прошу Вас, прочтите и, если можно, сохраните эти стихи. <...>». Ещё два стихотворения Н. Давыденкова составитель антологии получил от его племянника – Леонида Романкова. Одно из них называется *Молитва*:

Бог христиан, Аллах, Иегова,
 Раскосязлый Будда: помогите!
 Вы видите: вот я у ваших ног,
 Язычник, преклоняющийся Богу.

[с. 906-907]

Три маленьких стихотворения и письмо – вот и всё, что удалось извлечь из могилы ещё одного таланта

Не все лагерные стихотворцы считали себя поэтами, но упорно сохраняемая поэзия была естественным способом излить душу, поделиться горем и надеждой, попросить о помощи и сочувствии, воззвать к высшей справедливости. Чаще всего лагерные стихи – это обращения к родным или молитвы-плачи, воззвания к Всевышнему и к Богородице-заступнице. Ученица поэтической студии русских акмеистов Ида Нашпельбаум (1900-1992) получила десятилетний приговор за то, что на стене её квартиры долго висел портрет Николая Гумилёва, уничтоженный мужем Иды ещё в 1937 году, когда ожидался арест. Но арестовали её только в 1951 году; она отбывала срок до 1954 года в Озерлаге под Тайшетом, откуда и дошло единственное её стихотворение – *Молитва заключённых женщин*:

Я, Мать Божия, с жаркой мольбою
 В горести падаю ниц пред Тобою,
 Ночь вокруг нас, одна тёмная ночь,
 Только одна Ты нам можешь помочь!

Люди устали томиться и мучиться,
 Длани святые простри, Троеручница!..

Ты, сотворившая чудо не раз,
 Браму расторгни и выпусти нас!.. (1953)
 [с. 930]

И всё же стихи в лагере были не просто безответной молитвой или плачем, а спасением и залогом дальнейшей жизни. К примеру, в комментариях к подборке Ольги Адамовой-Слиозберг (1902-1991) приведено такое авторское свидетельство:

Эти стихи не предназначались для публикации. Я слагала их потому, что записывать было нельзя. А хотелось запомнить, унести в будущую жизнь (а вдруг она будет!). Она наступила. Может быть, комунибудь будет интересно прочесть их, как дневниковые записи, как свидетельские показания бесконечно долгих лет заточенья, бесправия [с. 104].

Виктор Василенко в стихотворении *Допрос* (1949) показал процесс тюремного творчества как настоящее чудо спасения:

Солнечный луч зайчиком бежит по полу.
Бежит к моим ногам.
<...>
Это Бог творит чудо, и за окном для меня день!
Может быть, по его велению муза творит это чудо?
Разве может быть день ночью?
По воле Божьей может.

[с. 753]

Стихотворчество спасало не только самих творцов, но и слушателей. Автор знаменитого *Крутого маршрута* Евгения Гинзбург (1904-1977) подробно рассказала о том, как в невероятно трудных условиях тюремного заключения и этапа спасалась стихами классиков: её «тренированная на поэзию» память хранила тысячи стихотворных строк, и она могла часами по памяти читать их подругам. Однажды подслушавший охранник «вагонзака» ворвался, чтобы изъять книгу, по которой, как он был уверен, только что читали стихи, и рассвирепел, ничего не найдя... Е. Гинзбург не обмолвилась о спасительной роли собственного стихотворчества в лагерной жизни, считая его «самодельным» и «кустарным» и отводя ему только «техническую» роль, но её благоговение перед поэтами-классиками сродни тому упорству духа, которое проявляли верующие заключённые в отстаивании веры (Гинзбург 1990, 593). Тех, кто пытался вырвать у заключённых эту веру, она сравнивала с нечистой силой:

Пусть же беснуется, воя,
Вся вурдалачья рать!
Есть у меня вот такое,
Что вы не в силах отнять!

(*Не режиссёрские бредни...*) [с. 307]

Если те, кто выполнял волю власти, так люто преследовали поэзию, а творцы и хранители так преданно любили, значит, она действительно обладала огромной, мистически-священной силой. Она оправдывала муки, которые ради неё готовы были претерпеть её адепты. Поэтому в лагерной лирике можно проследить возвращение от насаждаемого в советское время атеистического мировоззрения, единственно возможного в легально публикуемой, подцензурной литературе вплоть до «перестройки», – к христианским ценностям, к духовному универсуму, связанному с традиционной народной культурой, которая неотрывна от христианства в продолжение тысячелетия. И переживалось это как мировоззренческое перевоплощение – возрождение души.

Этот процесс предстаёт в лагерной лирике как внутренний конфликт в сознании лирического субъекта во всей его сложности (напомним, что А. Солженицын считал путь к духовному возрождению единственно возможным для лагерника приемлемым способом выживания). К примеру, в лирике Варлама Шаламова (который был сыном вологодского священника, но в молодости стал атеистом) не находим ни одного прямого обращения к Богу, зато стихи любимого Пастернака он «шептал... как молитвы» (*Поэту*) [с. 118]. У многих лагерников авторское alter ego – образ неопита, в поисках дороги к Всевышнему проходящего «кругами ада» (Виталий Гармаш, *Памяти Артема Фельдмана*) [с. 943]. Лирический герой Бориса Брика (1904-1942) в стихотворении *Фома* взывал: «Верую, Учитель, верую. / Помоги неверью моему» [с. 143]. Валентин Соколов – тоже один из взыскующих; он призывал своих собратьев быть искренними и стойкими в трудно обрётённой вере:

Выходите смело на дорогу,
 Всем врагам кричите: стой! не сметь!

Чтоб, борясь, прийти к познанию Бога
 Через тюрьмы, через мрак и смерть.

(*Верующим*, 1955) [с. 785]

Выражение истовой веры в собрании С. Виленского – скорее исключение. Его находим у Александра Солодовникова (1893-1974), Натальи Ануфриевой (1905-1990), Даниила Андреева (1906-1959) et al. – не более десятка из свыше 300 поэтов антологии. В комментарии Виталия Шенталинского читаем: «Человек глубоко религиозный, А. А. Солодовников представляет особый, редкий пласт поэтического творчества – духовный стих, вдохновлённый верой в Бога» [с. 515]. Такие стихи принадлежат или священнослужителям, или выходцам из духовного сословия – это Илья Громогласов (1869-1937), Владимир Лозина-Лозинский (1885-1937), Михаил Поздеев (1883-1971), – или авторам, в сознании которых лагерная бытность совершила мировоззренческий перелом от атеизма к приятию Бога (как у А. Солженицына).

Наиболее часты у поэтов-лагерников ассоциации с евангельскими мотивами Христовых мук, крестного пути, Распятия; иногда они приобретают гротескную окраску: «Нас всех распинали на красной звезде...<...>» (Пётр Кузячкин) [с. 791]. Или аллегорический характер: «На кресте Тебя, Русь, распяли...<...>» (Степан Петров, 1925 г.) [с. 245]. При этом узники ассоциировали собственные муки и с крестным путём, и с жертвой во имя спасения будущего, как петербуржанка Юлия Панышева (1912-2009) в начале 1950-х, в камере Лефортовской тюрьмы:

Мы пронесли свой крест за всех,
Прошли крутым путём.
О Господи, спаси же тех,
Что станут жить потом!

[с. 917]

Но возвращения к прошлой уютной слепоте и беспечности они не просили: «<...> Ни на что не даёт нам права / Гнёт годов, в тюрьме прожитых...» – писал Александр Солженицын в стихотворении *Право узника* в 1951 году [с. 676]. «<...> К долагерному счастью нет возврата, / И в будущем нет счастья для меня», – предвидела Валентина Павленко-Иевлева (1928-?) перед освобождением в 1952-м (*Моя душа смятением объята...*) [с. 717]. «У человека есть единственное благо, / которое никто не может отнять – это

Память!» – цитировал в мае 2014 г. местный информационный сайт г. Новомосковска (Тульская область РФ) Клавдию Лукьяновну Черкашину (год рождения 1925; узница немецких концлагерей в Штутгарте, Равенсбрюке, Дортмунде и советского Нориллага; одна из авторов антологии)⁴.

В лагерной поэзии довольно редки сетования на несправедливость Бога или судьбы. Зато звучит мотив оправданности высшей воли: «<...> Даны нам Богом испытанья, / Перестрадать должна их Русь. <...>» (Пётр Иванов, 1871-1937; *Григорию Дагаеву* 1920) [с. 323]. Жанровая и интонационно-стилистическая форма, используемая в лагерных стихах чаще других, – покаянная молитва и псалом. Повторяется мотив смирения, просветления верой и воскресения Духа через страдание: «Благо мне, что я пострадал, / Дабы научиться уставам Твоим», – цитировал псалом Александр Солодовников как эпитафия к своему стихотворению *Тюрьма* в 1920 году [с. 516]. «Воля Твоя да будет... <...> О, как трудно сказать мне, Боже: / Да будет воля Твоя!», – молилась Наталия Ануфриева в 1937-м [с. 319]. «<...> Ты дал мне высший дар. Дар примирённой веры.<...>», – благодарил Творца Юрий Галь (1921-1947) в 1943-м (*Не надо милостей. Ни чуда, ни спасенья...*) [с. 681]. Сравнение собственных страданий с огромной бедой народа и страны предохраняло от напрасных жалоб и побуждало к не демонстрируемой, но несломленной стойкости.

Для всех, даже для атеистов, ГУЛАГ оказался противоположной стороной в образном мироустройстве, разделённом на свет и тьму, – воплощением мирового зла через архетипное представление об аде, который в его рукотворном варианте оказался страшнее самых жутких литературных фантазий об *inferno*: «<...> ...Это даже не ад Данте...<...>» (Елена Ильзен-Грин, 1919-1991; *Приехали*, Воркута) [с. 759]. Мучительнее всего в нём была безмерность наказания без вины:

⁴ Vide: *Комитет по культуре администрации муниципального образования, г. Новомосковск. Мероприятие, посвященное Международному дню освобождения узников концлагерей* [Электронный ресурс], <http://xn--8sbzaeczfphc1h.xn--p1ai/afisha/2441/?month=05&year=2014> (доступ: 10.09.2015).

Мы до сих пор, воистину, не знаем,
По чьей вине гниём или горим
В аду кромешном, рабство проклинаям...

(Клавдия Черкашина, *Мы до сих пор,
воистину, не знаем...*, 1951) [с. 878]

Впрочем, цель наказания – расчеловечивание – многие узники понимали и пытались, как могли, предотвратить её достижение:

...Распяли душу на кресте
И бросили в дерьмо,
 В парашный смрад, в кромешный ад.
 Но в чём их цель была?
 Чтоб я забыл, что я примат
 В животном мире зла,
Чтоб разлюбил всё, что любил,
И, канувший во мрак,
Прямохождение забыл
И ползал, как червяк.
 Чтоб задохнулся я в ночи
 У бездны на краю,
 Мне стукачи и палачи
 Продлили жизнь мою.

(Владимир Левицкий, 1923-?; *Мне припаяли
восьмерик*) [с. 794]

Подводя **итоги**, утверждаем: в истории русской литературы (как и других литератур бывшего СССР) поэзию ГУЛАГА целесообразно выделять как уникальный духовно-эстетический феномен, поскольку её порождает особая действительность, отличает от современной литературы «до-гутенберговский» способ создания, бытования и распространения стихов – устная форма, сохраняемая подчас усилиями многих людей, для которых в экстремальных испытаниях поэтическое слово приобрело функции слова сакрального. Благодаря ему оказалось возможным сохранить человеческую душу в самых страшных условиях. Лагерная поэзия своими функциями стала

близка молитве, псалму, заклинанию, оберегу. Она свидетельствует о возрождении веры в горниле нечеловеческих мук ГУЛАГА и о возможности сохранения человечности. Антологии лагерных стихов, издаваемые с недавних пор, – бесценный архив памяти, который требует подробнейшего и всестороннего изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бетаки Василий: *Лагерные поэты. Валентин Соколов-ЗК*, “Livejournal. Журнал ЖЖ” 23 сентября 2009, <http://tarzanissimo.livejournal.com/96101.html> (доступ: 16.09.2015).
- Бутков Владимир: *Поэзия – родня шизофрении. О Валентине Соколове-ЗеКа и его стихах*, <http://www.stihi.ru/2012/08/12/7704> (доступ: 16.09.2015).
- Виленский Семён: *Предисловие*, в: *Поэзия узников ГУЛАГа: Антология*. Москва 2005, с. 5-13.
- Гинзбург Евгения: *Крутой маршрут: Хроника времён культа личности*. Москва 1990.
- Горева Дина: *Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика*: диссертация кандидата филологических наук. Воронеж 2011, <http://www.disserscat.com/content/poeziya-gulaga> (доступ: 30.08.2015).
- Александра Истогина: *Валентин Соколов (1927-1982)*, «Континент» 1998, № 98, <http://magazines.russ.ru/continent/1998/98/ist1-pr.html> (доступ: 15.09.2015).
- Истогина Александра: *О книге Валентина Соколова «Тени на закате»*, «Русская мысль» Париж 2000, № 4320, 1 июня, <http://survive.kudin.org/prisonrec1.htm> (доступ: 15.09.2015).
- Карасев Евгений: «...Считаю себя стихотворцем», «Тверская Жизнь» 1999, 17 сентября, http://vkuzmin.blogspot.com/1999/09/blog-post_17.html (доступ: 30.08.2015).
- Евгений Красёв (2000)*, «Радио Вера» 2010, <http://radiovera.ru/rifmy-zhizni-evgenij-krasovov.html#.VewU9tLtmko> (доступ: 6.09.2015) [Название с монитора – sic!].
- Кобенков Анатолий: *Дни позора и печали*: рецензия на книгу *Поэзия узников ГУЛАГа. Антология*. Составитель С. С. Виленский. Москва 2005. «Знамя» 2006, № 6, с. 212-214.
- Колошук Надежда: *Религиозные мотивы в лирике лагерников ГУЛАГа*, “Religious and Sacred Poetry: An International Quarterly of Religion, Culture and Education”, Crakow 2013, No. 4, p. 155-186.

- Колошук Надежда: *Опыт пребывания в реализовавшейся антиутопии: ГУЛАГ в украинской, русской, белорусской поэзии*, в: *Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Выпуск 2: К 130-летию со дня рождения Е. И. Замятина. По материалам международного конгресса литературоведов 1-4 октября 2014 г.* (в 2-х книгах), составитель Н. Н. Комлик. Елец 2014, Книга 2-я, с. 338-347.
- Комитет по культуре администрации муниципального образования, г. Новомосковск. Мероприятие, посвященное Международному дню освобождения узников концлагерей [Электронный ресурс], <http://xn---8sb3-aecfzphc1h.xn--p1ai/afisha/2441/?month=05&year=2014> (доступ: 10.09.2015).
- Лагерные поэты – Форум*, <http://russhanson.ru/forum/viewtopic.php?f=3&t=45641> (доступ: 30.08.2015).
- Муравьёв Владимир: «...По более глубокой и существенной потребности», в: *Средь других имён: Сборник, составление и вступительная статья В. Б. Муравьёв.* Москва 1990, с. 4-50.
- Поэзия узников ГУЛАГа: Антология.* Составитель С. С. Виленский. Москва 2005.
- Редькин В. А.: «Лагерная» поэзия Евгения Карасёва, в: *Материалы международной научно-практической конференции «Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания».* Пермь 2005, Часть 1, с. 302-309.
- Таганов Леонид: *Потаённая литература: поэзия ГУЛАГа*, в: *Вопросы онтологической поэтики. Потаённая литература: исследования и материалы.* Иваново 1998, http://w3.ivanovo.ac.ru/win1251/az/lit/coll/onto_log1/09_tag_1.htm (доступ: 10.09.2015).
- Чистяков Олег: *Зазаборье: литературно-музыкальная композиция [1989]*, http://russianshanson.info/?id=1911&album_id=7131 (доступ: 25.10.2015).